

В ресторане полезных каш хозяйка, явно предупреждённая о визите Вэнь Жунси, встретила их сияющей улыбкой и сразу провела в отдельный кабинет. Жунси даже пошутил, что на этот раз их точно не выследят папарацци.

Владелица заведения, облачённая в расшитое пионами ципао, обладала столь яркой и волевой внешностью, что этот вызывающий красный цвет ничуть её не затмевал. Цинь Бао округлил глаза от изумления.

— Вы... вы же та самая... Лю Минь!

Лю Минь — так звали героиню старого сериала в жанре уся. С годами сюжет подзабылся, но хозяйка заведения до сих пор мелькала в подборках «Красавиц былых времён», вызывающих трепет при одном лишь взгляде.

Лю Минь едва заметно улыбнулась.

— Хочешь автограф или фото на память?

— Да-да-да! — Цинь Бао закивал так рьяно, словно китайский болванчик, не в силах сдержать восторга.

Рассмеявшись, она вышла за полароидом, а затем попросила Вэнь Жунси их сфотографировать. Уходя, бросила:

— А этот малыш очарователен. Приводи его почаще.

Весь вечер Цинь Бао пребывал в состоянии эйфории. Ужин закончился в половине одиннадцатого, но сон не шёл ни в одном глазу. Ресторан располагался на шестом этаже торгового центра, а кинотеатр — на четвёртом. Для Вэнь Жунси вход был свободным: достаточно было предъявить карту.

Несмотря на позднее время, в залах было полно народу. Прокат фильма «Божественное оружие в три чи» близился к завершению, но даже на ночные сеансы заполняемость залов достигала восьмидесяти процентов.

Перед началом Цинь Бао заглянул в телефон и увидел новый пост Вэнь Жунси в Weibo — снимок маленького миньона в углу у входа в кинотеатр.

«Занимаюсь обучением малыша», — гласила подпись.

Цинь Бао украдкой взглянул на спутника. Тот тоже листал ленту и улыбался. В комментариях пользователи всюду подшучивали над актёром, мол, Жунси решил лично нанести удар по

сплетникам и доказать, что его «покровительство» — это не то, о чём все подумали.

«Господин Вэнь — мощь!»

«Спасибо, что присматриваете за нашим Бао. Позаботьтесь о моём муженьке как следует!»

Самое нелепое, что Вэнь Жунси ответил на этот комментарий коротким: «Угу».

«.....»

Цинь Бао с крайне противоречивыми чувствами убрал телефон и сосредоточился на рекламных роликах, мелькавших на огромном экране. На душе было так, словно туда заскочил гиперактивный хаски: носился, всё обнюхивал, а потом задрал лапу и — бряк! — напрудил.

Фильм начался. Ночь, глубокий переулочек. Камера плавно скользит внутрь, задерживаясь на мифическом звере пияо, венчающем карниз старинной усадьбы. Человек в черном и в бамбуковой шляпе, держа меч, легкой, стремительной тенью перемахивает через ограду заднего двора.

Это был блокбастер в жанре уся от признанного мастера, известного великолепным визуальным рядом и непредсказуемыми сюжетами. Главную роль исполнял Вэнь Жунси, но и на второстепенных ролях мелькали сплошь знакомые лица. Сюжет, закрученный вокруг кражи четок покойной императорской наложницы, держал в напряжении. Персонаж Вэнь Жунси, заместитель командира элитного спецподразделения, отличался выдающимся мастерством и суровым нравом. По ходу дела ему стрелой выбило глаз — сцена была кровавой и яростной, хотя её изрядно смягчили для цензуры.

В финале выяснялось, что это «дело оборотней в погонах»: четки похитил начальник главного героя, вошедший в сговор с заморским орденом адептов инь-ян. Оказалось, артефакт обладал силой, способной низвергнуть всю династию. Клише, конечно, но снято было мастерски. Каждый кадр — словно свиток тонкой работы, а внимание к деталям эпохи выдавало огромный бюджет.

Особенно врезалась в память сцена, где герой Вэнь Жунси вместе с возлюбленной и начальником попадает в засаду в таверне. Он яростно отбивался, доверив спину названному брату. Но тот внезапно нанес предательский удар и перерезал девушке горло.

Дальше началась борьба в одиночку. Схватка с бывшим командиром стала эталоном жанра: каждое движение двух мастеров было выверено до идеала. Когда кольцо окружения начало сжиматься, а стрела лишила Жунси глаза, он, залитый кровью, издал яростный рык и перешел в режим берсерка. Он искалечил предателя и прорубил себе путь сквозь толпу врагов, которые в ужасе начали разбегаться от этого демона, восставшего из преисподней.

Затем был путь через выжженную пустошь под светом звезд. Раненый герой, чтобы выжить, был вынужден убить своего верного скакуна. Конь — существо преданное и кроткое. Было невыносимо смотреть, как Жунси дрожащей рукой гладит гриву, а другой вонзает нож в шею животного.

Конь забился, но быстро затих, угасая. Даже в предсмертной муке он смотрел по-животному мягко и послушно.

Цинь Бао не выдержал — он расплакался.

На экране Вэнь Жунси, сотрясаясь от рыданий, прижимал к себе голову коня. По его щеке катилась одинокая слеза, смешиваясь с кровью на морде животного. Было неясно — плачет ли человек или сам конь проливает слезы.

Цинь Бао огляделся: по залу хлюпали носами.

Удивительно, что столь серьезная драма стала кассовым хитом. Раньше Цинь Бао казалось, что без легкого развлекательного налета такие фильмы не «выстреливают». И хотя финал был относительно благополучным, осадок остался тяжелый.

Были, впрочем, и моменты, вызывающие улыбку: шутки товарищей по оружию, сцена в бане, где орава тридцатилетних мужиков плескалась и дурачилась, словно дети.

Цинь Бао то и дело ловил себя на мысли: «А у Вэнь Жунси потрясающая фигура». Мышцы рельефные, кожа чистая, и когда луч экранного солнца падал на его грудь, было видно, как под кожей перекачиваются узлы мускулов. У Цинь Бао перехватило дыхание. Он старался сидеть неподвижно и смотреть прямо перед собой, лишь бы Жунси не заметил, какой трепет вызывает у него этот кадр.

Вскоре сюжетные перипетии заставили его забыть о торсе актера. К счастью, в его «Библиотеке данных» было полно материалов для изучения...

Фильм длился два с половиной часа. Когда они вышли, на часах было больше часа ночи. Цинь Бао достал телефон — список пропущенных вызовов грозил взорвать аппарат.

«Ладно, я уже еду, перезванивать не буду», — пронеслось в голове, но экран снова ожил. Пришлось брать трубку.

Яростный рев Цинь Фэйго разнесся по салону автомобиля:

— Если ты сейчас же не явишься, я подаю в розыск! Что это за друзья такие дерзкие? Вези их сюда, я лично на них посмотрю! Ты что, втайне от семьи завел интрижку?

Цинь Бао залепетал оправдания.

— Координаты мне скинь, — Фэйго тяжело дышал. — Я пришлю водителя.

Цинь Бао, запинаясь, выдавил, что его уже подвозит знакомый. Старший брат еще долго ворчал, прежде чем отключиться.

— Это старший брат... всё не спит, — пояснил Цинь Бао. — Я никогда так поздно не возвращался. Кажется, мне несдобровать.

— Если начнет ругаться — звони мне, — сказал Вэнь Жунси.

— А вы что, отругаете его в ответ? — пошутил Бао.

— Именно. Вдруг твой брат — мой фанат? Пара слов от меня, и он сменит гнев на милость.

Цинь Бао лишь криво усмехнулся.

«Киноимператор, конечно, любимец публики, но мой брат — законченный трудоголик, он телевизор-то не смотрит. Никакой авторитет его не проймет...»

— Ладно, не бойся. Завтра график плотный?

— Съёмки для обложки журнала, интервью... и занятия.

— Каждый день учишься?

— Да, у меня в актерской игре много пробелов. Нужно срочно наверстывать, скоро войду в группу режиссера Мэна.

— Нервничаешь?

Голос Вэнь Жунси звучал очень мягко. Он вел машину, внимательно следя за дорогой, и общался так легко, будто они были старыми друзьями, которые просто долго не виделись.

«Может, я сам себя накручиваю? — подумал Цинь Бао. — Кажется, Вэнь Жунси со всеми держит дистанцию, а со мной — подчеркнуто дружелюбен».

Было бесконечно приятно вот так запросто беседовать с кумиром детства.

— Немного. Боюсь подвести режиссера Мэна. В кино всё тоньше, требования к игре выше. Это не сериал, где можно выехать на бесконечных диалогах. Здесь порой решает одно движение. Я пока присматриваюсь, пересматриваю ваши фильмы, стараюсь подражать.

Вэнь Жунси негромко рассмеялся, но тут же напустил на себя серьезный вид:

— Тот «Город сирот», в котором я играл, — это старье многолетней давности. Сейчас я прибавил. Глядя на себя тогдашнего, я испытываю лишь досаду.

— А я нет, — отрезал Цинь Бао.

Вэнь Жунси замолчал и повернулся к спутнику. За окном мелькали огни столицы — бесконечные цепочки фонарей, неоновые вывески, но всё это меркло перед блеском глаз Цинь Бао. Он смотрел чисто, юно и прозрачно, словно утренняя звезда.

— Я видел почти все ваши работы. От той первой артхаусной ленты «Причудливый и многоликий» до нынешних дней. На каждом этапе вы разный. Видно, сколько труда вложено в каждую роль. Ваши фильмы научили меня главному — серьезному отношению к делу. Если идти шаг за шагом, от роли к роли, то прогресс неизбежен. И эти маленькие победы приносят самую большую радость, — Цинь Бао улыбнулся. — Мне еще многому предстоит научиться. То, что я познакомился с вами, — огромная удача.

«Удача всей моей жизни», — добавил он про себя. Сказав это, Цинь Бао тут же смутился. Не сочтет ли Вэнь Жунси это за грубую лесть?

— Кхм... — Вэнь Жунси снова уставился на дорогу. Он потер кончик носа и усмехнулся. — Пожалуй, мне стоит выдать тебе удостоверение «Преданного фаната номер один». Что ж, тогда старайся. Когда станешь мегазвездой, я смогу продать твой автограф за бешеные деньги. К тому времени я наверняка уже выйду в тираж.

Жунси было тридцать два. Он собрал все возможные награды в индустрии, а его популярность держалась на качестве работ. С годами он не сможет вечно играть красавчиков-героев. Его дальнейший путь — не заигрывание с публикой, а завоевание непререкаемого авторитета. Он уже всерьез подумывал о режиссуре.

Хотелось оставить свой лучший образ на пленке, пока время не взяло свое.

Двадцатилетнему Цинь Бао предстояло расти до статуса звезды еще несколько лет. Возможно, к тому моменту Вэнь Жунси и впрямь перестанет сниматься.

— Занимайтесь тем, что приносит вам радость, — тихо сказал Цинь Бао. — Что бы вы ни

делали, я навсегда останусь вашим фанатом.

Вэнь Жунси расхохотался. Не удержавшись, он снова взъерошил волосы на затылке Цинь Бао. Тот недавно подстригся «под ёжик», так что прическа ничуть не пострадала. Короткие волосы кололи ладонь, и это было даже приятно.

Цинь Бао сидел смиренно, словно послушный домашний зверек.

В конце концов, кумиру уже за тридцать. В этом возрасте мужчинам порой необходимо именно такое — безмолвное, теплое сочувствие. «Гладь, гладь, — думал Бао, — от меня не убудет».

Сунь Цзинь добрался до вокзала и обнаружил, что билетов на ближайшее время нет — то ли рейсов не осталось, то ли всё раскупили. Он впал в какой-то ступор и два часа просидел в зале ожидания, бездумно обнимая рюкзак.

Уборщица со шваброй проходила мимо него раз за разом, заставляя то и дело подбирать ноги.

В конце концов Сунь Цзинь вышел, взял паспорт и снял номер в гостинице прямо у вокзала. Посреди ночи кто-то стучал в дверь, но он не ответил. А утром обнаружил под дверью целую стопку визиток с сомнительными услугами.

Он подобрал их, мельком глянул на «красоток» и отправил в мусорную корзину.

Типичный привокзальный отель: посредственная гигиена и неистребимый запах сырости, присущий всем дешевым ночлежкам.

Умывшись, он отдернул шторы. Лицо залило золотистое утреннее солнце.

У Сунь Цзиня были длинные, загнутые ресницы. Его бывший парень обожал их трогать и называл его «метисом». Сунь Цзинь и сам в это верил — всё-таки его родители были из разных провинций, так что он был «метисом провинциального масштаба».

Зазвонил телефон.

За ночь Сунь Цзинь пришел в себя. Увидев входящий от Го Маоли, он уже не чувствовал ни ярости, ни обиды. В душе царил полный штиль.

— Да, дядя.

— Ты где? Уехал? — Го Маоли тяжело дышал в трубку.

— Ага.

— Уехал?! — голос директора сорвался на крик.

— Да нет еще. Вчера билетов не было, не успел. Сейчас позавтракаю и двину.

— Скинь геолокацию, — потребовал Го Маоли.

Сунь Цзинь в недоумении взглянул на экран, потом снова прижал трубку к уху:

— Да я правда уже уезжаю. Как доберусь до места — скину.

— Сейчас скидывай!

Делать нечего, пришлось делиться местоположением в WeChat. Положив телефон, Сунь Цзинь повалился обратно на кровать. Солнце медленно ползло по его лицу, в комнате работал кондиционер, но лучи приятно припекали щеки.

Было так уютно, что он снова задремал. Проснулся через два часа, когда было уже около девяти.

Он вскочил, сел на кровати и принялся лихорадочно проверять билеты в приложении. Нужно было купить билет и рассчитать время до вокзала.

Палец скользил по экрану.

«Куда податься?

Домой? Ну уж нет, в ту дыру я не вернусь. Мать меня оттуда давно выставила, зачем напрашиваться на новые унижения? Может, в Город S? Город большой, глядишь, и работа найдется. На худой конец, вернусь к старому — пойду официантом. Слышал, в Городе S и гей-баров полно, может, встречу кого по душе...

Эх, пристроил бы меня кто-нибудь к себе...»

В итоге он купил билет до Города S на половину одиннадцатого и со скуки включил телевизор. В номере была пачка чипсов, но за неё пришлось бы платить, а денег в обрез. Нужно будет снимать жилье, тратиться на еду и одежду, пока не найдет работу. В дорогом Городе S даже дышать скоро станет платно.

Пока Сунь Цзинь сидел на кровати, скрестив ноги, и с отсутствующим видом смотрел в экран, раздался стук.

Он лениво потащился открывать.

Стоило щелкнуть замком, как в комнату буквально ворвался человек.

—.....

Го Маоли вцепился ему в плечи, лихорадочно осматривая племянника с ног до головы. Он тяжело отдувался — видимо, бежал по лестнице.

Наконец он разжал руки и пристально посмотрел на Сунь Цзиня.

— Возвращайся.

— Не пойду.

— В компании во всём разобрались. Это не ты слил маршрут артиста, а водитель Вэнь Жунси. У него проблемы в семье, вот и польстился на деньги.

Сунь Цзинь лишь безучастно хмыкнул.

— Тебя не уволят. Жилье я еще не сдавал, так что поехали. Продолжишь обучение. Я постараюсь выбить для тебя роли в массовке, начнешь с эпизодов. На следующей неделе будут общие курсы актерского мастерства для новичков — пойдешь и ты.

Видя, что Сунь Цзинь молчит, Го Маоли осекся.

Оба молчали.

Спустя минуту Сунь Цзинь вяло проплелся вглубь комнаты и плашмя рухнул на кровать, накрыв голову подушкой.

— Я с тобой разговариваю! Возвращайся, живо. Собирайся, сдавай номер, и пошли, — в голосе Го Маоли снова прорезалось нетерпение.

Сунь Цзинь перевернулся на бок. Подушка отлетела в сторону. Он посмотрел на дядю и сказал:

— Не вернусь.

— Да я же говорю: ошибка вышла, недосмотрел я! Кончай дуться.

Сунь Цзинь промолчал. Он сел, не сводя глаз с Го Маоли. И вдруг он прослезился.

Го Маоли глубоко вздохнул. Внезапно он начал медленно сгибать колени, принимая позу, словно собирается пасть ниц.

—.....

Сунь Цзинь пулей сорвался с кровати. Забыв о своей депрессии, он вцепился в дядю, выдав крепкое словцо.

— Ты что творишь?! — он со всей силы хлопнул себя ладонью по лбу, оставив красный след.

Го Маоли серьезно посмотрел на юношу:

— Моя вина. Не разобрался, оклеветал тебя. Прощения прошу. Руки убери.

— Не убери!

— Убери, кому говорю! — Го Маоли повысил голос.

— Не! У-бе-ру! — крикнул Сунь Цзинь. — Не хочу я возвращаться. Что я там забыл? Танцую паршиво, помощник из меня аховый, ничего не получается. Только позорю тебя и тетю. Хочу уехать. Начать всё с чистого листа на новом месте.

— С чистого листа можно и здесь начать, дурень, — Го Маоли видел, что парень снова начал «ломаться» и капризничать. С того момента, как утром позвонила госпожа Чжан и сообщила, что «кротом» был водитель Жунси, Маоли потерял покой. Жена с детьми еще спали, а он, в одной майке-алкоголичке, уже выскочил на балкон звонить Сунь Цзиню, где его нещадно искушали комары.

К счастью, тот не успел уехать. Директор решил, что такие вещи нужно решать с глазу на глаз. Лучше извиниться лично, чем по телефону — вдруг пацан упрется, и тогда его вообще не вернешь.

Поэтому Го Маоли рванул по геолокации, чтобы перехватить беглеца.

Расчет оправдался: Сунь Цзинь, этот ленивый оболтус, не стал бы вскакивать ни свет ни заря.

— Я уезжаю, — всё еще упирался Сунь Цзинь, но в его голосе уже не было прежней твердости.

Го Маоли снова сделал движение, будто собирается опуститься на колени.

Сунь Цзинь мертвой хваткой вцепился ему в плечи, удерживая на весу.

— Ладно, ладно! Сдаюсь! Я остаюсь. Но ты пообещай, что будешь мне покровительствовать: и с учебой поможешь, и с работой! — наконец выставил условия Сунь Цзинь.

— Договорились. Только если сам будешь пахать, — буркнул Го Маоли и покосился на руки племянника. — Теперь-то отпустишь?

— Ой.

Стоило Сунь Цзиню разжать руки, как Го Маоли спокойно полез в карман брюк и достал пачку сигарет.

—.....

Только в этот момент Сунь Цзинь понял, что его нагло обвели вокруг пальца. Го Маоли и не думал вставать на колени — он просто знал, что племянник струсит и не допустит такого унижения старшего.

А Го Маоли уже по-хозяйски уселся на кровать, задымил и принялся менторским тоном поучать Сунь Цзиня, как стать настоящим артистом.

Сунь Цзинь слушал вполуха, пропуская нравоучения мимо ушей, и горько осознавал: дядя остался всё тем же хитрым дядей, а его собственный интеллект, как и прежде, не подавал признаков роста.

<http://bllate.org/book/17537/1707080>